

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8002

УДК 821.161.1.09“18”

А. Н. Ужанков

Московский государственный институт культуры,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
Сретенская духовная семинария
(Москва, Российская Федерация)

a.n.uzhankov@mail.ru

Святоотеческое «учение о прилоге» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Аннотация. В статье рассматривается влияние святоотеческого «учения о прилоге» на формирование психологического образа Родиона Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Согласно учению христианских богословов, любой грех начинается с *помысла* (мысли), с которой устанавливается собеседование человека — *сочетание* с мыслью, и она постепенно *слагается* в непреодолимое желание. Находясь в плену этой мысли, человек и совершает грехопадение (*страсть*). Все эти пять стадий в развитии греха прошел Родион Раскольников. Первоначально у него появляется мысль об убийстве старухи-процентщицы, затем эта мысль усиливается после подслушанного Раскольниковым разговора студента и офицера в трактире, происходит постоянное обращение героя к своему греховному помыслу. Мысленно приуготавливая себя к убийству, он готовится и к реальному его воплощению: присматривает топор, пришивает для него петельку, изучает маршрут к старухе и совершает убийство. Нераскаянный грех влечет за собой еще большие грехи — двойное убийство. И только через страдание возможно преображение героя и его возвращение к людям.

Ключевые слова: учение о прилоге, помысл, страсть, развитие греха, художественный образ, духовная основа образа, Достоевский, Раскольников, «Преступление и наказание»

Об авторе: Ужанков Александр Николаевич — профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой литературы и проректор по научной деятельности, Московский государственный институт культуры; руководитель Центра фундаментальных исследований русской средневековой культуры, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; профессор, сретенская духовная семинария (ул. Библиотечная, 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406)

Дата поступления: 10.02.2020**Дата публикации:** 25.05.2020

Для цитирования: Ужанков А. Н. Святоотеческое «учение о прилоге» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 172–189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8002

В русской классической литературе, начиная с повести «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, можно наблюдать использование писателями учения о прилоге (т. е. учения о развитии греховного помысла в человеке и борьбе с ним) в построении художественных образов героев — Германа в «Пиковой даме» А. С. Пушкина, Екатерины в «Грозе» А. Н. Островского, Анны Карениной в одноименном романе Л. Н. Толстого¹ или Родиона Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского и других.

В романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» обычно выделяют и рассматривают два смысла: 1) уголовное преступление и уголовное наказание и 2) нравственное преступление и нравственное наказание.

Однако в романе можно выделить и еще один, более скрытый смысл: осмысление генезиса греха (преступление) и наставление (указание, наказание от слова «наказ»)² о том, как распознать зарождение греха и избежать его на основании учения святых отцов о прилоге. Обратимся к этому богословскому учению.

Учение о развитии греха всего лишь от одной мысли, простого помысла (прилога) до страсти (утвердившегося греха или греховного навыка) святые отцы разработали на основании своих аскетических опытов. Согласно их взглядам, всякий греховный поступок, греховное дело и всякая человеческая страсть начинаются с обыкновенной мысли (помысла), которая усиливается и крепнет по мере регулярного возвращения и постоянного собеседования с ней в уме. Она, не получая духовного сопротивления, противодействия, т. е. борьбы с нею, способна довести человека до грехопадения. Повторяемый грех со временем способен превратиться в навык и образует уже саму страсть.

Преп. Иоанн Лествичник выделяет и дает наименования *шести* следующим друг за другом этапам развития греха: «Рассудительные отцы полагают, что иное есть *прилог*, иное —

сочетание, иное — **сосложение**, иное — **пленение**, иное — **борьба**, а иное — так называемая **страсть** в душе» [Добротолубие, т. 2: 509–510], [Лествица: 125–126].

Преп. Филофей Синайский сокращает число этапов до пяти, сопровождая каждый кратким комментарием: «Наперед бывает **прилог** (приражение, действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена); потом **сочетание** (содвоение, внимание сковано предметом, так что только и есть, что душа да предмет приразившийся и ее занявший); далее **сосложение** (предмет приразившийся и внимание занявший возбудил желание, — и душа согласилась на то — сложилась); за сим **пленение** (предмет взял в плен душу, возжелавшую его и как рабу связанную ведет к делу); наконец, **страсть** (болезнь души) частым повторением (удовлетворением одного и того же желания) и привычкою (к делам, коими оно удовлетворяется) вкачествившаяся в душе (ставшая чертою характера)» [Добротолубие, т. 3: 420], — объединив в одну стадию «борьбу» и «страсть», тем самым подчеркнув, что на этом этапе развития греха далеко не всегда ведется борьба с ним, разве что людьми «преуспевшими и совершенными». Собственно, и у преп. Иоанна Лествичника борьба сопричастна страсти и только допускается, но не выделяется в самостоятельный этап, ибо присутствует далеко не у всех. Но эта борьба есть «поприще для одержания победы в происходящей в нас брани», отмечает преп. Филофей Синайский [Добротолубие, т. 3: 420].

Эта модель духовного учения укоренилась и на Руси.

Преп. Нил Сорский, русский монах XV в. и глава «нестяжателей», опираясь на учения святых отцов, также сводит развитие греха к пяти аналогичным этапам: «Различна ведь борьба против нас в мысленной брани с победами и поражениями, сказали отцы: прежде — **прилог**, затем — **сочетание**, потом **сложение**, затем **пленение** и потом **страсть**» (курсив мой. — А. У.) [Нил Сорский: 93].

Рассмотрим подробнее каждый из них, подкрепляя наблюдения святых отцов примерами из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

1. Святые отцы, по словам преп. Иоанна Лествичника, «определяют, что **прилог** есть простое слово (мысль) или образ

какого-либо предмета, вновь являющийся уму и *вносимый в сердце*» (курсив мой. — А. У.) [Добротолубие, т. 2: 510].

Практически так же об этом пишет и преп. Филофей Синайский: «*прилог*» у него — это «голый помысл или образ какой-либо вещи, только что *родившийся в сердце* и представившийся уму» (курсив мой. — А. У.) [Добротолубие, т. 3: 420] — и объясняет его синонимом «*приражение*», в церковнославянском языке означающем «подступ, близость». Хочу обратить внимание на зарождение помысла в сердце человека. Именно так произойдет у Раскольникова.

Возникает прилог («голый помысел»), как правило, бессознательно и неконтрольно. Ни воля человека, ни его сознание напрямую не участвуют в возникновении помысла, а потому его появление безгреховно по своей сути. На это обращают внимание практически все богословы.

Прилог считает безгрешным и преп. Нил Сорский: «...и ни похвалы, ни укоризны (человек. — А. У.) не заслуживает, поскольку не в нашей власти. Невозможно ведь, чтобы не было прилога к нам вражеского помысла» [Нил Сорский: 93].

С таким мнением согласен и святитель Феофан Затворник, подчеркивающий, что в *прилоге* нет греха, ибо «рождение образов не в нашей власти» [Феофан Затворник: 20]. Человеку ежеминутно на ум приходит множество неконтрольных мыслей, поскольку человек по своей природе не может вообще не думать.

Вскользь появившийся помысл может больше никогда и не всплыть в сознании человека, если на нем осознанно не фокусируется внимание.

Непосредственными источниками *прилогов* (мыслей) могут выступать услышанные слова, воображение человека, органы чувств, память и др.

С чего начинается преступление Родиона Раскольникова?

С мысли о деньгах? Нет.

С его *теории* «о тварях дрожащих и право имеющих»? Нет.

Святые отцы обращают внимание, что прилог может появиться с неблагоприятного чувства, зародившегося в сердце. Об этом же свидетельствует и сам Раскольников в разговоре с Соней:

«— Соня, у меня сердце злое, ты это заметь: *этим можно многое объяснить*. (курсив мой. — А. У.) <...> ...я озлился <...> Именно *озлился* (это слово хорошее!) <...> И всё думал... <...> Но только тогда начало мне тоже мерещиться, что...»³.

Он не завершил фразу — не смог выразить словами свои мысли («Я опять не так рассказываю!»). Помысл еще не оформился в его сознании до конца.

Хотя большинство помыслов (прилогов) возникает помимо человеческой воли, бывают случаи, когда человек сознательно вызывает некую греховную мысль в своем сознании и услаждается ею. Тогда *прилог* становится прямым поводом для совершения греха [Шиманский: 188].

У Раскольникова за полгода до знакомства со старухой-процентщицей и появилась его «теория» о «тварях дрожащих и право имеющих». Это и есть его приуготовление ко греху, теоретическое обоснование «крови по совести».

Сам прилог появляется у Раскольникова сразу же при знакомстве со старухой Аленой Ивановной:

«...с первого же взгляда, еще ничего не зная о ней особенного, почувствовал *к ней непреодолимое отвращение* (курсив мой. — А. У.) <...> Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его» (53).

Н. И. Московцева верно заметила, что так «появляется помысел, который Раскольников принял и начал с ним “собеседовать”» [Московцева: 323]⁴. То есть, появился прилог, от которого Раскольников и не пытается избавиться («не может отвязаться теперь от одного весьма необыкновенного впечатления» — 53), но регулярно возвращается к нему.

Если человек прельстился какой-то мыслью или образом, т. е. *прилогом*, сосредоточивает на нем свое *внимание* и задерживает его в своих помыслах и воображении, то тогда наблюдается мысленное развитие греха и происходит приражение (порабощение) разумной силы души. В этом случае следует говорить уже о второй стадии развития помысла, которую и преп. Иоанн Лествичник, и преп. Филофей Синайский, и преп. Нил Сорский называют «сочетанием».

2. Преп. Иоанн Лествичник **сочетание** называет «*собеседованием с явившимся образом, со страстью или бесстрастно*» [Добротолюбие, т. 2: 510], [Лествица: 125]. У преп. Филофея Синайского «**сочетание** есть собеседование с представившимся (предметом или образом) страстное или бесстрастное». Он называет его еще «содвоением», когда «внимание сковано предметом» мысли, «так что только и есть, что душа да предмет приразившийся и ее занявший» [Добротолюбие, т. 3: 420].

Преп. Нил Сорский называет «сочетание» «диалогом» с явившимся прилогом, «страстным или бесстрастным», и «приятием» этого помысла, «иначе говоря, размышление о нем и собеседование с *ним* по нашему произволению» [Нил Сорский: 94]. На этом этапе происходит обдумывание какой-либо мысли, принесенной на ум.

Человек сосредоточивает свое внимание на посетившей его мысли или возникшем образе и начинает беседовать с ней или рассматривать его уже по своему желанию, оценивая и изучая. Это и есть **сочетание** ума с помыслом. Преподобный Нил Сорский называет *сочетание* приятием помысла по собственному изволению человека и сознательным дозволением пребывания его в нас. Происходит увлечение сознания человека тем, что было ему мысленно представлено, и уже в размышлениях оно переживается как возможное бытие (см.: [Леонов: 232]).

Как только Раскольников «вынес зародыш своей мысли от старухи» (55), он сразу «попадает» на разговор студента и офицера в трактире, куда Раскольников зашел после посещения Алены Ивановны.

Такой же «свободно мыслящий», как и Раскольников, студент энергично заявляет офицеру:

«...Вот что я тебе скажу. Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, без всякого зазору совести <...> Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье⁵ тысячами добрых дел?» (54).

Офицер сразу же пытается остановить своего собеседника, прекратить развитие прилога у него:

«— Нет, ты стой; я тебе задам вопрос. Слушай!

— Ну!

— Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?

— Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

— А по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!» (54–55).

И они принялись за новую партию в бильярд.

Дело тут, конечно, не в студенте. Важно, что его мысли оказались созвучными мыслям бывшего студента Раскольников, который испытывал в ту минуту «чрезвычайное волнение» и задавался вопросом:

«Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... *такие же точно мысли*» (55).

Зародился прилог, а размышления студента во всей своей полноте сочетались с мыслями самого Родиона Романовича, усилили их. Уже тогда показалось ему странным это совпадение. Достоевский замечает:

«Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...» (55).

Вот почему и преп. Иоанн Лествичник, и преп. Филофей Синайский свидетельствуют, что *сочетание* «не совсем» без греха. «...Если не отсечет кто-то прилог лукавого помысла, но немного побеседует с ним, то враг прилагает усилия, чтобы он страстно *о том* помышлял», — замечает и преп. Нил Сорский [Нил Сорский: 94].

Раскольников все больше и больше размышляет о «глупой и злой старушонке» (54).

Чтобы не оказаться увлеченным помыслом, человек должен пытаться сразу, еще на стадии прилога, не останавливать на нем свое внимание и отринуть его, — рекомендует преп. Иоанн Лествичник [Добротолюбие, т. 2: 509–510]. Если сразу не получилось, то можно попытаться это сделать уже на стадии *сочетания*, хотя теперь это сделать будет гораздо труднее, поскольку душа уже приразилась предметом и потребуется

больше усилий, чтобы пресечь дальнейшее развитие лукавого помысла и победить его.

Если же человек принял прилог, увлекся и беседовал с ним, т. е. сочетался с прилогом, то наступает третий этап развития греха — **сосложение или сложение**.

3. Преп. Иоанн Лествичник дает следующее ему определение: «...**сосложение** есть склонение души к виденному, соединенное с услаждением» [Добротолюбие, т. 2: 510]. Или в другом переводе (по «Лествице»): «...**сосложение** есть согласие души с представившимся помыслом, соединенное с услаждением» [Лествица: 125]. Сходные рассуждения приведены преп. Филофеем Синайским: «...**сосложение** есть склонение души к зримому оком ума предмету со услаждением» [Добротолюбие, т. 3: 420]. Близки к ним и размышления преп. Нила Сорского: **сложение** есть «услаждающее склонение души к явившемуся помыслу или образу». Происходит это с человеком тогда, когда он, принимая помыслы или образы «и с ними мысленно беседуя, чуть-чуть согласится в мысли своей, чтобы было так, как говорит вражий помысел» [Нил Сорский: 94].

Человеческий ум, сочетавшийся с помыслом и беседовавший с ним, начинает с ним соглашаться. Воля человека уже склоняется к осуществлению греховного помысла, и постепенно вызревает *намерение* совершить грех (см.: [Леонов: 232]).

И Раскольников стал беседовать с греховным помыслом, не называя убийство грехом:

«Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки!» (6).

Характерно, что он не называет убийство (грех) своим именем, заменяя его на неопределенное *это*. Так проще соблазниться и согласиться на него.

Однако через месяц «он уже начинал смотреть иначе <...> “безобразную” мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя всё еще сам себе не верил», — отмечает Ф. М. Достоевский произошедшие после месячных размышлений в Раскольникове перемены. Он даже отправился «делать *пробу* своему предприятию» (7).

По сути, человек уже согрешил в своих мыслях, поэтому греховность данного этапа для преп. Нила Сорского очевидна, хотя вынашиваемое намерение еще реально и не воплотилось.

Раскольников признавался впоследствии Соне, что готовился к своему поступку, оценивая и сравнивая свое состояние с возможным поведением в подобной ситуации своего авторитета — Наполеона: смог бы тот, «чтобы карьеру начать», решиться на убийство «легистраторши», поскольку это не его масштаб, «уж слишком не монументально и... и грешно» (319):

«...на этом “вопросе” я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покорило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? <...> Ну и я... вышел из задумчивости... задумал... по примеру авторитета...» (319).

Так сформировалось в его сознании решение об убийстве старухи.

Если кто-то «не способен еще отгонять прилоги лукавого, таковой, если чуть-чуть согласится с лукавым помыслом, но тотчас исповедается Господу, каюсь и укоряя себя, и призовет Его на помощь, как написано: “Исповедайтесь Господу и призывайте имя Его” (Пс. 104,1) — то Бог прощает его по Своей милости из-за его немощи.

Это сказано отцами о сложении мысленном, когда кто-то невольно побеждается помыслом, пребывая в подвиге, причем корень ума его утвержден на том, чтобы не согрешать и не сотворить беззаконие на деле» [Нил Сорский: 95].

Так размышляет преп. Нил Сорский о состоянии человека на стадии *сложения* его помысла. Эта стадия — пиковая в развитии греховного помысла, последняя точка возврата. На этом этапе должно быть покаяние, по-гречески — *метанойя*, т. е. перемена ума, перемена сознания. Монахи в монастырях на исповеди исповедуют свой мысленный грех, каются в нем и возвращаются в исходную точку. «Ибо будущей муке подлежит (душа. — А. У.) за непокаяние, а не за брань» [Нил Сорский: 97]. После покаяния очистившаяся душа способна вернуться в безгреховное состояние. Если не было покаяния, то греховный помысел развивается стремительно. Человек

пленяется греховной мыслью и уже без целенаправленной борьбы не сможет избавиться от нее, а его поступки оказываются всецело зависимыми от нее.

4. Четвертую стадию развития греха преп. Иоанн Лествичник, преп. Филофей Синайский и преп. Нил Сорский называют «пленением», которое есть «насильственное и невольное увлечение сердца увиденным или совершенное его с ним слитие, разоряющее наше доброе устройство» [Добротолюбие, т. 2: 510].

С таким толкованием согласуется и мнение преп. Филофея Синайского: «...**пленение** есть насильственное и невольное отведение сердца (в плен), удержание в нем и слияние будто в одну жизнь с предметом пленившим, от коего (слияния) исчезает доброе наше состояние (теряется покой)» [Добротолюбие, т. 3: 420]. Так же думает и преп. Ефрем Сирианин: «**Пленение** есть принужденное, невольное увлечение сердца, преобладаемого предубеждением и долговременною привычкою» [Добротолюбие, т. 2: 363].

Пленение, по рассуждению Нила Сорского, — это «продолжительное сочетание со случившимся помыслом», которое для человека весьма губительно: «Когда же, словно бурей и волнами носимый и от благого устройства к лукавым мыслям влекомый, не можешь в тихое и мирное устройство прийти, — это особенно бывает от волнения и от многих и бесполезных бесед, — то это продолжительное совокупление с приключившимся *помыслом* <...> губительно» [Нил Сорский: 96].

На этой стадии умственного борения первоначально возникший в помысле (прилоге) грех находит свое дальнейшее воплощение уже в конкретных человеческих поступках, подводящих к проявлению греха наяву.

Раскольников уже и топор присмотрел, и петлю для него к пальто пришил, и время рассчитал, и даже пробный визит к старухе сделал. По сути, уже мысленно совершил преступление.

По словам преп. Филофея Синайского, греховный «предмет взял в плен душу, возжелавшую его, и как рабу связанную ведет к делу» [Добротолюбие, т. 3: 420]. Святитель Феофан Затворник называет греховное дело плодом развращения, зачатого внутри (в душе) и родившего беззаконие (грех) вовне [Феофан Затворник: 22].

На какое-то время от совершения греха человека могут отстранить неблагоприятные условия или какие-то внешние обстоятельства, но это вызывает только некоторую задержку или отсрочку в его исполнении.

Старуха-процентщица жила вместе с сестрой, и в планы Раскольникова не входило убийство Елизаветы. Предприятие его явно затягивалось.

На этой стадии еще возможна была духовная борьба с желанием. «*Борьбою* называют равенство сил борющегося и боримого в брани, где последний произвольно или побеждает, или бывает побеждаем» [Лествица: 125], — замечает преп. Иоанн Лествичник.

И у Раскольникова, вроде бы, такая борьба происходит:

«Боже! — воскликнул он, — да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?»

Он дрожал как лист, говоря это.

«Да что же это я! — продолжал он, восклоняясь опять и как бы в глубоком изумлении, — ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил? Ведь еще вчера, вчера, когда я пошел делать эту... *пробу*, ведь я вчера же понял совершенно, что не вытерплю... Чего ж я теперь-то? Чего ж я еще до сих пор сомневался? Ведь вчера же, сходя с лестницы, я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко... ведь меня от одной мысли *наяву* стошнило и в ужас бросило...»

Нет, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, будь всё это, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика. Господи! Ведь я всё же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!.. Чего же, чего же и до сих пор...» (50).

Борьба у Раскольникова идет не с греховным помыслом, а с самим собой на физическом уровне. И не призывает он Господа себе на помощь, а поминает Его всуе.

Он не ведет духовную борьбу с желанием, не покаялся в нем. Ни письмо матери с предостережением и напоминанием о Боге, ни его собственный сон с избиваемой лошадью не остановили его. Он уже не способен отказаться от давно задуманного

и месяц вынашиваемого. Длительно пребывающий в подобном состоянии человек чаще всего игнорирует внешние удерживающие обстоятельства, что мы и наблюдаем в случае с Родионом Раскольниковым.

Неожиданно для себя он оказался свидетелем разговора Елизаветы со знакомыми:

«Он проходил тихо, незаметно, стараясь не проронить ни единого слова. Первоначальное изумление его мало-помалу сменилось ужасом, как будто мороз прошел по спине его. Он узнал, он вдруг, внезапно и совершенно неожиданно узнал, что завтра, ровно в семь часов вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной ее сожительницы, дома не будет и что, стало быть, старуха, ровно в семь часов вечера, *останется дома одна*.

До его квартиры оставалось только несколько шагов. Он вошел к себе, как *приговоренный к смерти* (курсив мой. — А. У.). Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что *всё вдруг решено окончательно* (курсив мой. — А. У.)» (52).

Достоевский описывает Раскольникова в состоянии *пленения*, когда в его сознании уже все сложилось. На следующий день он лежал в своей каморке, напоминающей гроб. Услышал бой часов, и ему показалось, что они пробили шесть раз, и его охватила «лихорадочная суета». Он спешно принялся пришивать к пальто петлю для топора *давно приготовленными* иглой и нитками и, когда достал *давно уже приготовленный* заклад, услышал чей-то крик во дворе:

«— Семей час давно!

— Давно! Боже мой!» (57).

И он подхватился и дальше все делал по продуманному заранее плану, машинально, как будто и не он сам. Соня и скажет ему:

«— От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!...» (321).

Он и сам согласится с этим:

«— Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне всё представлялось, это ведь дьявол смущал меня? а?» (321).

Ф. М. Достоевский просто классически иллюстрирует все стадии развития греха в человеке:

«...я ведь и сам знаю, что меня черт тащил» (321).

Как уже говорилось выше, преп. Филофей Синайский отмечал, что «**пленение**» происходит тогда, когда «предмет взял в плен душу <...> и как рабу связанную ведет к делу» [Добротолюбие, т. 3: 420].

Раскольников еще раз признается Соне:

«А старушонку эту черт убил, а не я...» (322).

Однако весьма примечательно, что Раскольников идет убивать старуху, тщательно выбирая свой путь, избегая на нем церкви и храмы. На это обратила внимание Е. А. Гаричева (Федорова), опираясь на прописанную Б. Н. Тихомировым топографию Петербурга: «...Б. Н. Тихомиров замечает, что кратчайший путь от дома Раскольникова до дома ростовщицы “пролегал по набережной Екатерининского канала как раз мимо Вознесенской церкви” [Тихомиров: 256]. Но, отправляясь на “пробу”, а затем на преступление, герой идет не этой дорогой [Тихомиров: 53], а в обход, словно избегая встречи с храмом» [Гаричева: 129]¹.

Раскольников изначально не воспротивился *приразившемуся* прилогу, сочетался с этим помыслом, вниманием возбуждал *желание* к нему, согласился и *соединился* всею душою с ним, направил свою волю на его исполнение, *пленился* этим замыслом и сразу же уступил борющему его, приблизив финальную стадию развития греха — **страсть**.

5. **Страсть**, то есть сам **грех**, есть апофеоз в развитии **прилога**. Преп. Иоанн Лествичник отмечает: «**Страстию** называют уже самый порок, от долгого времени вгнездившийся в душе, и <...> сделавшийся как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно и сама собою к нему стремится» [Лествица: 125].

Более подробно рассуждает о страсти преп. Нил Сорский: «**Страсть** же, истинно говорят, — долгое время в душе гнездясь

¹ В названии монографии Е. Гаричевой неточность. В рукописи: «Мир спасает красота Христова» (см.: ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 40).

и будучи затем ее обычаем переведена как бы в нрав, сама потом к человеку как усвоенная самопроизвольно приходит, обуреваемая постоянно страстными помыслами, от врага влагаемыми, утвердившись от сочетания и частого собеседования и став обычной от многого помышления и мечтания. Это бывает, когда какую-нибудь вещь, возбуждающую страсть, враг часто представляет человеку и разжигает его более, чем к *чему-то* иному, на любовь к ней, и тот, хочет или не хочет, побеждается ею мысленно. Особенно же это бывает, если он прежде по небрежности часто сочетался и беседовал *с ней*, то есть мыслил по доброй воле о той вещи неподобающим образом» [Нил Сорский: 97].

Дозволение *крови по совести* приводит Раскольникова к убийству старухи Алены Ивановны. Один не остановленный покаянием еще на стадии помысла грех — убийство — влечет за собой череду преступлений: новое убийство безобидной Лизаветы — «тихой такой, кроткой, безответной, на всё согласной» (54) — и безгрешного ребенка в ее чреве...

Согласно учению святых отцов нераскаянный грех влечет за собой еще больший грех, превращаясь в страсть. К первому убийству старухи-процентщицы вели Раскольникова долгие раздумья и сомнения, порождавшие внутреннюю борьбу. Второе убийство — Лизаветы — Раскольников совершает сразу, уже не задумываясь.

С преступлением Раскольникова в нем умирает ветхий человек:

«Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!...» (322).

После трехдневного пребывания во гробе-каморке он воспрянет, чтобы через страдания, которые продлятся до конца романа, и любовь к Соне в будущем преобразиться в нового человека.

Родион Раскольников встает на путь, который И. А. Есаулов назвал «паломничеством к Пасхе» [Есаулов: 263], тем самым исследователь предполагает возможность воскресения героя, для начала — к вере [Есаулов: 266].

- ¹ Мне приходилось уже писать об использовании писателями «учения о прилоге» при создании центральных художественных образов в перечисленных произведениях. См.: [Ужанков, 2017а, 2017б, 2017с].
- ² «Наказание Раскольникова — это научение, наставление, это проповедь Достоевского: против убийства человека в человеке» [Дунаев: 356].
- ³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 318–320. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ *Собеседование* Н. И. Московцева назвала «термином православной педагогики», не став далее разбирать поступки Раскольникова через призму святоотеческого учения о прилоге [Московцева: 323].
- ⁵ Замечу, кстати, что у Раскольникова старуха — вошь, а у Сони — человек!

Список литературы

1. Гаричева Е. «Мир станет красота Христова». Категория преобразования в русской словесности XVI–XX веков. — Великий Новгород, 2008. — 298 с.
2. Добротолюбие: в 5 т. / пер. с греч. святителя Феофана Затворника. — 4-е изд. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
3. Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 5 ч. — М.: Христиан. лит., 1997. — Ч. III. — 574 с.
4. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Круть, 2004. — 560 с.
5. Леонов В., прот. Основы православной антропологии. — М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. — 456 с.
6. Московцева Н. И. Уроки по Достоевскому («Преступление и наказание») // Авдеенко Е. А., Московцева Н. И. «Античная культура в современной классической гимназии. Уроки по Пушкину («Евгений Онегин»). Уроки по Достоевскому («Преступление и наказание»). — М.: Рус. хронографъ, 1999. — С. 319–430.
7. [Лествица] Преподобного отца нашего Иоанна, Игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. — Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908. — XII + 273 + 92 с.
8. [Нил Сорский] Преподобный. Устав и послания / сост., перев., коммент., вступ. ст. Г. М. Прохорова. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 240 с.
9. [Феофан Затворник] Страсти и борьба с ними: по трудам святителя Феофана Затворника. Выдержки из творений и писем. — М.: Даниловский благовестник, 2011. — 460 с.
10. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. — СПб.: Серебряный век, 2005. — 472 с.
11. Ужанков А. Н. Еще раз о «луче света в темном царстве». (О драме А. Н. Островского «Гроза») // Новый филологический вестник. — 2017. — № 4 (43). — С. 179–190. (a)
12. Ужанков А. Н. «Мысленная брань» в повести «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина // Русский язык за рубежом. — 2017. — № 2 (261). — С. 51–56. (b)
13. Ужанков А. Н. Учение о прилоге как духовная основа художественного

образа Анны Карениной // Новый филологический вестник. — 2017. — № 2 (41). — С. 89–100. (с)

14. Шиманский Г. И. Нравственное богословие. — Киев: Изд-во имени святителя Льва, папы Римского, 2005. — 682 с.

Alexander N. Uzhankov

*Moscow State Institute of Culture,
Russian Scientific Research Institute of Cultural Heritage
Named After D. S. Likhachev,
Sretenskaya Theological Seminary
(Moscow, Russian Federation)*

a.n.uzhankov@mail.ru

The Patristic Doctrine About *Prilog* in the Novel of Fedor Dostoevsky *Crime and Punishment*

Abstract. The article considers the influence of the patristic doctrine about *prilog* (the beginning of a thought) on formation of the psychological image of Rodion Raskolnikov in the novel of F. M. Dostoevsky *Crime and Punishment*. According to the teachings of Christian theologians, any sin begins with an intention (thought), a person establishes the conversation with, a union with the thought, which gradually becomes an irresistible desire. Being captivated by this thought, the person falls from grace (passion). Rodion Raskolnikov went through all these five stages in the development of sin. Initially, he had the idea to kill an old moneylender, that strengthened after he had overheard the conversation between a student and an officer in a tavern. Thereby, Raskolnikov constantly recurred to his sinful thought. Having mentally prepared himself for the murder, he was preparing for its implementation: he searches for an ax, sews on a loop, studies the route to the old woman's house, and commits the murder. An unrepentant sin entails even greater sins — a double murder. And only through suffering the main character can endure the transformation and return to people.

Keywords: teaching of *prilog* (the beginning of a thought), thought, passion, development of sin, artistic image, spiritual basis of an image, Dostoevsky, Raskolnikov, *Crime and Punishment*

About the author: *Uzhankov Alexander N.* — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literature and Vice-Rector for Scientific Work, Moscow State Institute of Culture; Director of the Fundamental Researches Centre of Russian Medieval Culture, Russian Scientific Research Institute of Cultural Heritage Named After D. S. Likhachev; Professor, Sretenskaya Theological Seminary (ul. Bibliotechnaya 7, Khimki, Moscow region, 141406, Russian Federation)

Received: February 10, 2020

Date of publication: May 25, 2020

For citation: Uzhankov A. N. The Patristic Doctrine About “Prilog” in the Novel of Fedor Dostoevsky “Crime and Punishment”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 2, pp. 172–189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8002 (In Russ.)

References

1. Garicheva E. «Mir stanet krasota Khristova». *Kategoriya preobrazheniya v russkoy slovesnosti XVI–XX vekov* [“The World Will Become the Beauty of Christ”. The Category of Transfiguration in Russian Literature of the 16th — 20th Centuries]. Novgorod the Great, 2008. 298 p. (In Russ.)
2. *Dobrotolyubie: v 5 tomakh* [Philokalia: in 5 Vols]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2010. (In Russ.)
3. Dunaev M. M. *Pravoslavie i russkaya literatura: v 5 chastyakh* [Orthodoxy and Russian Literature: in 5 Parts]. Moscow, 1997, part 3. 574 p. (In Russ.)
4. Esaulov I. A. *Paskhal’nost’ russkoy slovesnosti* [Paskhal’nost’ of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
5. Leonov V., archpriest. *Osnovy pravoslavnoy antropologii* [The Fundamentals of Orthodox Anthropology]. Moscow, the Moscow Patriarchate Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
6. Moskovtseva N. I. Lessons on Dostoevsky (“Crime and Punishment”). In: Avdeenko E. A., Moskovtseva N. I. «Antichnaya kul’tura» v sovremennoy klassicheskoy gimnazii. *Uroki po Pushkinu* («Evgeniy Onegin»). *Uroki po Dostoevskomu* («Prestuplenie i nakazanie») [Avdeenko E. A., Moskovtseva N. I. “Antique Culture” in the Modern Classical Gymnasium. Lessons on Pushkin (“Eugene Onegin”). Lessons on Dostoevsky (“Crime and Punishment”)]. Moscow, Russian Chronograph Publ., 1999, pp. 319–430. (In Russ.)
7. *Prepodobnogo ottsa nashego Ioanna, Igumena Sinayskoy gory, Lestvitsa, v russkom perevode* [“The Ladder of Divine Ascent” by Saint John of the Ladder (Sinaites), Translated into Russian]. Sergiev Posad, The Holy Trinity-St. Sergius Lavra Publ., 1908. 12 + 273 + 92 p. (In Russ.)
8. Prepodobny Nil Sorskiy. *Ustav i poslaniya* [The Statute and Messages]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2011. 240 p. (In Russ.)
9. *Strasti i bor’ba s nimi. Po trudam svyatitelya Feofana Zatvornika. Vyderzhki iz tvoreny i pisem* [Passions and Struggle Against Them. According to the Writings of St. Theophan the Recluse. Excerpts from Creations and Letters]. Moscow, Danilovskiy blagovestnik Publ., 2011. 460 p. (In Russ.)
10. Tikhomirov B. N. «Lazar! Gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* [“Lazarus! Come over There”. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: Commentary]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
11. Uzhankov A. N. On More Time About a “Ray of Light in the Dark Kingdom”. In: *Novyy filologicheskyy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2017, no. 4 (43), pp. 179–190. (In Russ.) (a)

12. Uzhankov A. N. A “Mental Struggle” in the Story “Poor Lisa” by N. M. Karamzin. In: *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2017, no. 2 (261), pp. 51–56. (In Russ.) (b)
13. Uzhankov A. N. The Teaching About *Prilog* (the Beginning of a Thought) as the Spiritual Basis of the Artistic Image of Anna Karenina. In: *Novyy filologicheskiy vestnik [The New Philological Bulletin]*, 2017, no. 2 (41), pp. 89–100. (In Russ.) (c)
14. Shimanskiy G. I. *Nravstvennoe bogoslovie [Moral Theology]*. Kiev, Izdatel'stvo imeni svyatitelya L'va, papy Rimskogo Publ., 2005. 682 p. (In Russ.)